

Сколько славословий... Сколько великих – и малых – и главных – и слабых – и притворных – и клятвенных – речей...

Крепкое имя «Горький» для всего советского двадцатого века и верно было чем-то вроде клятвы. Его надлежало обессмертить, убрав с лица земли его носителя. Герой тогда становится героем, когда он мертв. И ничего уже не сможет возразить или опровергнуть, и оправдать, и прояснить. Да и мог ли герой это сотворить при жизни?

Максим Горький, взявший такой пронзительный, полынный псевдоним, рано понял: писать книги – это хорошо, и это он делать хотел, и это делать – мог. Теснее, гораздо теснее, чем теперь, был круг русских писателей той поры – поры молодого Алексея Пешкова. Точно, без промаха, выстрелил визитами и мгновенно завязанными дружбами молодой Горький: Лев Толстой – Антон Чехов – Федор Шаляпин – и иже с ними. И не мог он знать тогда, что Борис Зайцев, уже в Париже, без содрогания презренья не сможет о нем говорить, а рядом, в той же Франции, Ромен Роллан будет им восторгаться и возводить на пьедестал. А было ли чем восторгаться? И, главное, было ли что презирать?

Есть тексты и тексты. Есть писатели и писатели. Лев Толстой отчего силен? Божья это у него сила, силища: от Бога. Не от разума, не от радио, незапланированная, не рассчитанная. Горький строит и порою даже высчитывает свою судьбу. Что ж, судьбостроительство ругать грешно: это просто способ жить. Человеку кажется: я изберу главную тему своего времени – решу ее – и оседлаю время. Горький избрал тему босячества (сиречь – народа!), тему дна (народ он опять, почти весь, живет на дне!), тему столкновения старого и нового мира, изображая, с одной стороны, купцов (умирающий мир), с другой – революцию

и революционеров (мир нарождающийся). Эта конструкция сыграла беспрюиришно. Она была так на виду и на слуху, так тревожила сердца, что не исполнить жизненное соло на этом инструменте было бы просто глупо. Здесь сметливость Горького не подвела.

Но что же такое кроется в его текстах, и дореволюционных, и революционных, и послереволюционных, что я могу понять, но не могу, как Борис Зайцев, оправдать и полюбить?

Горький пишет ТОЛЬКО видимый мир. Трехмерный мир. Он реалист до мозга костей. Причем такой: вот вам, ребята, жизнь, и без вариантов, есть лишь одна она, земная, и другой нет и не будет. Бог – досужая выдумка; кто Его выдумал – неизвестно. Дьякон-расстрига Егор Ипатьевский в романе «Клим Самгин» – едва ли не автопортрет Горького. Человека в текстах Горького – хоть отбавляй! Человека, орудий его труда, предметов его быта, его общественных коллизий и столкновений, его грязи и его чистоты – полный спектр. Только вот Бога – нет.

Я не о церквях-куполах в самой плоти прозы. Я – о присутствии Бога Живаго в словесных слоях, в вязи событий и положений; в россыпях смыслов. Бога как сверхзадачи НЕТ у Горького. Гордый человек, мыслящий человек, ищущий человек – есть. А вот веры в Бога у этого человека нет. И быть не может; ведь он, горьковский герой, раз и навсегда зачеркнул и для себя, и для освобожденного от суеверий и предрассудков человечества этот крестный путь.

Прожив на земле большой кус жизни, Горький сказал так: «Человек жестоко оскорблен – богами, которых он в страхе и радости пред силами природы создал слишком поспешно, неумело и слишком “по образу и подобию своему”» («Несвоевременные мысли»).

Он опьянялся идеями богостроительства. Построить новое общество, да, и в придачу к нему создать нового бога! Ведь все боги тоже были созданы, слеплены лукавыми и слепыми людьми! Социализм казался ему святым, религиозным чувством «связи с прошлым и грядущим» (ответы на вопросы анкеты Mercure de France). Человек могуч! Он может всё!

Что же предлагал Горький людям вместо Бога? Вместо веры?

Вместо Бога – народ. Вместо личной веры – сплоченный, дружный коллектив. И, наконец, вместо милости и любви к ближнему, что есть отражение Царствия Небесного на земле, – коммунизм как мегаутопия, как та безбожная, бодрая неизбежность, где никакого Бога и в помине не будет, не понадобится Он, отживший и ветхий, как старый самовар.

Марксизм, социализм, коммунизм в глазах Горького, да и не только его одного, явились новой верой, абсолютно противоположной вере в Бога.

В Христа? В любого Бога любого народа? В Аллаха, в Будду, в Иегову? Горький считал их всех мифами. А значит, сказками. Пусть бабки внукам еще рассказывают эти ветхие сказки на ночь! Вот бабки эти умрут, и в стране, а потом и на земле наступит царство красного безбожия, и упругим шагом физкультурные толпы пойдут к упоительному светлому будущему.

...пошли – в разверстую волчью, колючую пасть лагерей.

«...человек, физически сильный, красивый зверь, но эта красота физическая – в полной гармонии с духовной мощью и красотой» («Несвоевременные мысли»). Чем вам не Фридрих Ницше? Отдыхает, я погляжу, ницшеанский сверхчеловек.

В своих воспоминания Олимпиада Черткова обронила о Горьком такую фразу: «Однажды ночью он проснулся и говорит: “А знаешь, я сейчас спорил с Господом Богом. Ух, как спорили... Хочешь – расскажу?..”» Смолчала Липа Черткова, медицинская сестра, последняя любовь Горького. Ни о чем Алексея Максимовича не попросила.

Да, только сильные люди спорят с Господом. Вон Иаков в Ветхом Завете с Ним боролся. И что, кто кого поборол? Мы-то помним, Кто.

Чем ближе к концу жизни, тем более человек начинает ощущать малость свою и грешность свою. И сетует: мало успел. И видит: Бог за плечом. А он в Него не верил. И если не верил – значит, Он не помогал человеку в трудах и днях его. О-хо-хо! А ведь это так.

А может, Бог всем помогает, и верующим, и неверующим?

Слабая надежда... и рядом они стоят – Бог и смерть.

И мысль: почему я Его раньше не знал, а только теперь узнал? – пронзает от макушки до пяток.

Но это все лирика. Мы не знаем, как то было у Горького в финале его жизни, где он умел бороться и приспособливаться, говорить в полный голос то, чего ждали, и шептать на ушко то, что кричать было никак нельзя. Где он проповедовал социализм как религию, а религию втоптывал в грязь, как то и должны были делать правверные социалисты. Мне скажут: время такое! Но, знаете, есть вещи, которые в любые времена делать нехорошо. Все знают эту историю про Соловки. Мальчик рассказал гостю Горькому про соловецкие ужасы. И отойдя, горько плакал Горький. Пароход с великим писателем уплыл на материк. Мальчика казнили. Горький, вернувшись восвояси, написал восторженные очерки о славной перековке трудящихся масс в советских трудовых лагерях.

В 1929 году, на открытии Второго Всесоюзного съезда воинствующих безбожников, Горький произносит с высокой трибуны: «В той любви, которую проповедуют церковники, христиане, – огромное количество ненависти к человеку».

Его подпись стоит под письмом с просьбой уничтожить храм Христа Спасителя.

«Я никогда ни в чём и не перед кем не каялся, ибо к этому питаю органическое отвращение. Да и не в чем мне каяться» («Несвоевременные мысли»).

Можно сколько угодно фантазировать о том, как стекали на подушку покаянные слезы из глаз седого больного старика.

Тайна за семью печатями – чувство Бога, родившееся в безбожнике.

Может быть, один из немногих горьковских текстов, в которых живет Бог, – это рассказ «Рождение человека».

«...Плескалось и шуршало море, все в белых кружевах стружек; шептались кусты, сияло солнце, перейдя за полдень».

Шли – тихонько, иногда мать останавливалась, глубоко вздыхая, вскидывала голову вверх, оглядывалась по сторонам, на море, на лес и горы, и потом заглядывала в лицо сына – глаза ее, насквозь промытые слезами страданий, снова были изумительно ясны, снова цвели и горели синим огнем неисчерпаемой любви».

...нет, беру все свои слова обратно. Плачу от счастья. Да, родился человек, не умрет; в нем – Бог.

Есть Бог в художестве этого великого художника, выходит так; есть.